

На правах рукописи

Сартаков Егор Владимирович

**«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»
Н. В. ГОГОЛЯ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
1840-х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

Специальность 10.01.10 – журналистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва-2013

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы и журналистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории русской литературы и
журналистики факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова
Прохорова Ирина Евгеньевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени
М. В. Ломоносова
Воропаев Владимир Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и массовых ком-
муникаций Московского государственного
университета печати имени И. Фёдорова
Первалова Елена Владимировна

Ведущая организация – Санкт-Петербургский государственный
университет

Защита состоится «___» _____ 2013 г. в _____ часов
на заседании диссертационного совета Д 501.001.07 по журналистике
в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова
по адресу: Москва, 125009, ул. Моховая, 9, ауд. 103.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке
МГУ по адресу: Москва, 119192, Ломоносовский проспект, 27

Автореферат разослан «___» _____ 2013 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

В. В. Славкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В 1926 году выдающийся философ и богослов В. В. Зеньковский в книге «Русские мыслители и Европа» указал, что Гоголь как мыслитель закрыт от читателей художественным творчеством¹. Представляется, это глубоко справедливое утверждение Зеньковского остается актуальным и по сей день – через девять десятков лет, хотя Гоголь, философ и публицист, не мог не привлекать внимания исследователей.

В советское время в силу ряда нелитературных (прежде всего идеологических) причин нельзя было серьезно заниматься изучением творчества Гоголя – мыслителя, который в 1840-е гг., как многие тогда считали, «скатился в реакцию». Идеи, высказанные в его последней, изданной в Петербурге в начале января 1847 г., книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (далее – ВМ), объявлялись а priori «ошибочными», ведь они не способствовали истинному духовному развитию общества (как оно понималось в те годы), а следовательно, не представляли ценности для специального анализа. Поэтому вполне закономерно, что в постсоветском гоголеведении дала о себе знать другая крайность – многие ученые сконцентрировали внимание на творчестве позднего Гоголя, причем рассматривая его исключительно как православного мыслителя, нивелируя тем самым драматизм его идейных исканий, трагическую рефлексию вплоть до решения о сожжении собственных рукописей.

При этом явно недостаточно внимания уделяется тому, что ВМ – книга, отражающая кроме «вечных тем» и остроактуальные социокультурные реалии эпохи и раскрывающая взгляды Гоголя на многие насущные для его современников проблемы. И хотя в первой половине 1840-х гг. писатель всё меньше готов был работать в жанре «статеек», ссылаясь на то, что «мёртв для текущего»², он продолжал интересоваться «срочной словесностью». С большой степенью уверенности можно предположить, что при создании своей последней книги Гоголь учитывал журнально-газетный дискурс, в т.ч. публикации периодических изданий, проповедовавших консервативную идеологию.

ВМ писались Гоголем как произведение, отражающее его взгляды на злободневные проблемы эпохи, которые автор, глубоко верующий чело-

¹ См. об этом: Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 2005. С. 28.

² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. [М.;Л.], 1937 – 1952. Т. XI. С. 77. В дальнейшем произведения Гоголя цитируются по этому изданию с указанием римской цифры – тома, арабской – страницы в тексте в квадратных скобках.

век, решал в религиозно-нравственном ключе. Не случайно в «Предисловии» к *ВМ* Гоголь прокламировал, что для книги он выбрал из своих последних писем «всё, что более относится к вопросам, занимающим ныне общество» [VIII, 215]. Поэтому продуктивным представляется анализ *ВМ* как публицистической книги, включившей в себя более тридцати писем-статей, в которых очевидны черты эпистолярной публицистики³.

Важная задача при изучении последней книги Гоголя, с нашей точки зрения, – это комплексный анализ уровня и характера влияния журналистики на идейно-творческие искания Гоголя периода обращения писателя к публицистическому слову, т.е. времени подготовки и написания *ВМ* (1840 – 1846 гг.). Совершенно права Л. В. Жаравина, утверждающая, что объективное прочтение *ВМ* надо начать «с выявления источников, которыми питалась мысль Гоголя, установления генетических и типологических связей, параллелей социально-философского и иного характера, благодаря которым гоголевская “Переписка” входит в определенную традицию»⁴. Подобный анализ должен включать в себя, разумеется, не только выявление непосредственных интертекстуальных связей, но и перекличек между суждениями Гоголя в *ВМ* и авторов журнальных публикаций, сложного «диалога», полемик (в т.ч. скрытых) Гоголя с публицистами первой половины 1840-х гг.

Исследование такого рода тем интереснее и сложнее, что последняя публицистическая книга Гоголя создавалась в период общественного полилога, когда особое место в русской философско-исторической мысли заняла проблема интерпретации национальной истории с различных идеологических позиций. В этом полилоге участвовали прежде всего западники, славянофилы и сторонники «теории “официальной народности”», с разной степенью полноты отразив свои позиции в периодике.

Общеизвестны консервативные симпатии позднего Гоголя. И современники Гоголя, и исследователи, по-разному оценивая гоголевский консерватизм, давно обратили внимание на то, что *ВМ* – консервативно ориентированная книга. Поэтому столь значимым для Гоголя как создателя *ВМ* представляется «диалог» с современной ему консервативной публицистикой. Исследование этого «диалога» тем более важно, что сегодня в российском обществе явно ощущается новая волна интереса к консервативной идеологии.

³ Хотя нечасто, то подобный подход к анализу *ВМ* уже применялся исследователями. См., напр.: Прохорова И. Е. Журнально-публицистические статьи Н. В. Гоголя: вариации на «женскую тему» // Медиаскоп. 2010. № 3. // <http://mediascope.ru/node/577>

⁴ Жаравина Л. В. Гоголь между христианством и позитивизмом // Христианство и русская литература. Сборник третий. СПб., 1999. С. 165.

При этом периодика первой половины 1840-х гг., прямо связанная с задачами формирования и распространения консервативной идеологии («Москвитянин», «Маяк современного просвещения и образованности», «Журнал Министерства народного просвещения»), до сих пор практически не становилась предметом специального анализа. По-прежнему по сути неизученными остаются архивы журналов, сопутствующая изданиям переписка, данные об их успехе/неуспехе у целевой аудитории, не проанализирован характер взаимоотношений редакторов и авторов, типологические особенности, различия в идейных позициях, а также цензурная история этих изданий. Всё это обуславливает особую актуальность исследования журналов «Москвитянин» и «Маяк» как ведущих органов печати консервативного направления не только в связи с изучением ВМ, но и в целях расширения и углубления историко-журналистского знания.

Степень научной разработанности темы. Анализ ВМ и в первую очередь идейного содержания книги начался сразу после её издания – в критических отзывах К. Н. Бестужева-Рюмина, кн. П. А. Вяземского, А. А. Григорьева, Э. И. Губера, Н. Ф. Павлова, С. П. Шевырева. Принципиальное значение, конечно, имела оперативно опубликованная в февральском номере «Современника» за 1847 г. рецензия Белинского, в которой, однако, по цензурным причинам критик не мог вполне откровенно высказаться о «гнусной книге Гоголя»⁵. Но уже 15 июля 1847 г. Белинский написал Гоголю ставшее знаменитым «Зальцбруннское письмо», в котором обвинил его в измене своим предыдущим убеждениям, указав на консерватизм ВМ: «<...> великий писатель, который своими дивно-художественными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **“неумытыми рылами”**!.. (выделено Белинским. – Е. С.)»⁶. «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов»⁷ – этот приговор Белинского консервативно настроенному Гоголю надолго определил негативный пафос по отношению к ВМ, который препятствовал объективному исследованию гоголевской книги, как и вообще консервативной идеологии.

Трактовка ВМ, предложенная Белинским в «Зальцбруннском письме», которое Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной

⁵ В. Б. <Белинский В. Г.> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847 // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. 3. С. 103 – 124.

⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 214.

⁷ Там же.

демократической печати»⁸, легла в основу интерпретации произведений позднего Гоголя советским литературоведением. Так утвердилась концепция «двух Гоголей»: реалиста, создавшего гениальные художественные произведения, и религиозного фанатика, отказавшегося в ВМ от всего ранее им написанного. Конечно, не все исследователи поддерживали эту концепцию, пытались внести коррективы. Не случайно В. А. Десницкий в статье «Задачи изучения жизни и творчества Гоголя» в 1936 г. убеждал коллег-гоголеведов: «Нет никаких оснований говорить о “переломе”, который раздвоял бы Гоголя настолько, что по одну сторону хронологической вехи, определяемой с большей или меньшей условной точностью, был бы Гоголь-художник, а по другую – Гоголь – моралист-мистик»⁹. Тем не менее даже крупные советские исследователи творчества Гоголя (В. В. Гиппиус, Г. П. Макогоненко, Н. Л. Степанов и др.) не могли быть свободны от идеологического давления при изучении ВМ¹⁰.

Зато обстоятельным анализом поздней публицистики Гоголя, в т. ч. ВМ, занималась русская эмиграция. В трудах Н. А. Бердяева, прот. В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, К. В. Мочульского, прот. Г. В. Флоровского, С. Л. Франка автор ВМ рассматривался как писатель, тонко и глубоко чувствовавший и вместе с тем проблематизировавший православие, мучительно размышлявший над взаимоотношениями России и Запада, по сути предсказавший будущие «страхи и ужасы» и Европы, и России¹¹.

В постсоветское время большой вклад в изучение последней книги Гоголя внесли Е. И. Анненкова, Ю. Я. Барабаш, М. Я. Вайскопф, И. А. Виноградов, В. А. Воропаев, С. А. Гончаров, И. П. Золотусский, Ю. В. Манн и др.¹². Необходимо отметить также, что тексты всех статей-писем ВМ были сверены с автографами, устранены разночтения и вновь прокомментированы в Полном собрании сочинений и писем, подготовленном И. А. Ви-

⁸ Ленин В. И. Собрание сочинений: В 35 т. 4-е изд. М., 1941 – 1951. Т. 20. С. 223.

⁹ Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. М.;Л., 1936. Т. 2. С. 77.

¹⁰ Гиппиус В. В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.;Л., 1966. С. 46 – 200; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985; Степанов Н. Л. Гоголь: творческий путь. М., 1959 и др.

¹¹ См., напр.: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступительная статья и коммент. М. Д. Филина. М., 2002.

¹² Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб., 2012; Барабаш Ю. Я. Гоголь: Загадка «Прощальной повести»: «Выбранные места из переписки с друзьями», опыт непредвзятого прочтения. М., 1993; Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 2002; Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000; Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2008; Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997; Золотусский И. П. Гоголь. М., 2009; Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809 – 1845. М., 2004; Манн Ю. В. Гоголь. Завершение пути: 1845 – 1852. М., 2009.

ноградовым и В. А. Воропаевым к 200-летнему юбилею писателя в 2009 г.¹³.

Конечно, русская журналистика, выступления которой в той или иной мере учитывались Гоголем при создании ВМ, изучена, как уже указывалось, явно неудовлетворительно. Правда, «Москвитянину» посвящена глава в «Очерках по истории русской журналистики 1840 – 1850 гг.» А. Г. Дементьева¹⁴, некоторые сведения о нём содержатся в обзорных главах по истории русской журналистики 1840-х гг. в соответствующих учебных пособиях¹⁵. Более подробно охарактеризованы личность и творчество редактора этого журнала М. П. Погодина в фундаментальном труде Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина»¹⁶; генезис и эволюция его социально-политических идей проанализированы в недавно изданной книге А. А. Ширинянца «Русский хранитель. Политический консерватизм М. П. Погодина»¹⁷ и некоторых других изданиях, посвященных русскому консерватизму. Журнал «Маяк» стал объектом изучения в докторской диссертации Б. Г. Мехтиева¹⁸, однако в поле зрения этого автора в первую очередь попал отдел литературной критики, а не публикации на историко-софские и социально-политические темы.

Большое значение для нашей темы имеют работы, посвященные истории консервативной идеологии в России 1840-х годов, в контексте которой должно быть осмыслено содержание ВМ и публикаций изучаемых журналов. Безусловно, этапным событием здесь стал выход в 2010 г. энциклопедии, посвященной истории дореволюционного русского консерватизма (под ред. В. В. Шелохаева)¹⁹. В книге значительное внимание уделено выработке понятийного аппарата, рассмотрению теоретико-методологических, идейно-политических и социокультурных оснований консерватизма в России. Но единства в подходах к решению поставленных вопросов авторам многих статей этой энциклопедии достичь, с нашей точ-

¹³ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 8.

¹⁴ Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840 – 1850 гг. М.; Л., 1951. С. 183 – 240.

¹⁵ Есин Б. И. История русской журналистики XIX в. М., 2008. С. 77 – 78. История русской журналистики XVIII – XIX вв. / Под ред. проф. Л. П. Громовой. СПб., 2005. С. 285 – 286.

¹⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888 – 1910. См. также: Умбрашко К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999.

¹⁷ Ширинянец А. А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.

¹⁸ Мехтиев Б. Г. Журнал «Маяк»: духовная оппозиция журналистике 1840-х годов и романтизму М. Ю. Лермонтова: диссертация ... доктора филологических наук. Хабаровск, 2005.

¹⁹ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010.

ки зрения, не удалось. Вместе с тем нельзя не признать вклад в изучение ведущих органов печати консервативного направления В. В. Ведерникова в статье о «Москвитяnine», С. В. Удалова – о «Маяке», О. А. Иванова – о «Журнале Министерства народного просвещения».

Научная новизна работы состоит в том, что ВМ Гоголя впервые анализируются как публицистическая книга, посвященная актуальным социально-политическим и религиозно-нравственным вопросам и отразившая определенную совокупность консервативных идей автора книги в их связях с идейным содержанием консервативных журналов первой половины 1840-х гг. – в основном «Москвитянина» и «Маяка», которые до сих пор оставались по сути вне поля зрения историков журналистики.

Объектом анализа в данной работе выступают носящие публицистический характер статьи-письма Гоголя, включенные им в ВМ, и публикации консервативных журналов 1840 – 1846 гг., посвященные обсуждению ключевых для консервативной идеологии тем и проблем. Преимущественное внимание в работе уделено публикациям двух журналов – «Москвитянина» (1841 – 1846 гг.), который редактировался Погодиным (за исключением трех номеров в 1845 г., когда неофициальным редактором являлся славянофил И. В. Киреевский, что обусловило определенные изменения в концепции журнала, но ненадолго), и «Маяка», который редактировали С. А. Бурачок и П. А. Корсаков (1840 – 1841 гг.), а с № 16 за 1841 г. только Бурачок. Причем в рамках анализа публицистики «Москвитянина» рассматриваются и выступления в нём авторов-славянофилов А. С. Хомякова и Киреевского, хотя их идейные позиции нельзя охарактеризовать как полностью консервативные. Кроме того, к анализу привлекаются публикации официального «Журнала Министерства народного просвещения», который также был связан с пропагандой консервативных идей в России.

Предметом исследования является консервативная идеология в восприятии и творческом воплощении Гоголя и публицистов – сотрудников «Москвитянина» и «Маяка» в первой половине 1840-х гг., роль автора ВМ и публицистов указанных журналов в развитии и распространении ключевых идей русского консерватизма – православия, самодержавия, народности. В данной работе внимание сфокусировано на общем и особенном в подходах публицистов с разным идейным и творческим потенциалом к решению вопросов социально-политического и историософского порядка.

Цель работы – проанализировать, в какой мере публикации консервативно ориентированных русских журналов первой половины 1840-х гг., прежде всего «Москвитянина» и «Маяка», учитывались и осмысливались (принимались, или вызывали полемический – в основном скрыто полемический – отклик, или вовсе отвергались) автором ВМ, и, соответственно,

указать точки сближения и расхождения идейно-творческих исканий Гоголя и консервативно настроенных журналистов первой половины 1840-х гг.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- опираясь на результаты исследований консервативной идеологии, сформулировать основные положения русского консерватизма, которые могли и должны были проповедоваться в отечественной публицистике первой половины 1840-х гг.;

- рассмотреть книгу Гоголя ВМ как своеобразный цикл публицистических по содержанию и форме писем-статей на актуальные для аудитории социально-политические и историософские темы, прежде всего такие, как самодержавие, взаимоотношения сословий, противостояние России и Запада, суть истинного просвещения;

- уточнить степень отражения в ВМ основополагающих идей русского консерватизма первой половины 1840-х гг.;

- проанализировать историю издания и идейную программу журналов «Москвитянин» и «Маяк» в первой половине 1840-х гг.;

- охарактеризовать уровень и характер «диалога» автора ВМ с публицистами консервативных журналов «Москвитянин» и «Маяк» в период подготовки и создания Гоголем своей последней опубликованной книги.

Для выполнения предложенных задач привлекаются разные виды источников. Во-первых, это книга Гоголя ВМ и периодика 1840 – 1846 гг. В ходе работы проанализированы годовые комплекты трех журналов – «Москвитянин», «Маяк современного просвещения и образованности» и «Журнал Министерства народного просвещения». Второй важнейшей группой источников, привлеченных для диссертационного исследования, стали архивные материалы. Прежде всего это переписка, дневниковые записи Погодина и Шевырева, а также высказывания современников с различными идейными позициями и творческими принципами о Гоголе, Погодине, Бурачке и др. Данные бумаги хранятся в НИОР РГБ (Ф. 231. М. П. Погодин, Ф. 74. Н. В. Гоголь – всего просмотрено 10 единиц хранения) и ОР РНБ (Ф. 850. С. П. Шевырев, Ф. 391. А. А. Краевский, Ф. 291. М. Н. Загоскин, Ф. 37. А. И. Артемьев, Ф. 179. Н. В. Гербель, Ф. 113. С. А. Бурачок – всего просмотрено 17 единиц хранения). В диссертации используются рукописные документы, касающиеся истории издания и цензурирования журналов «Москвитянин» и «Маяк» (включая связанные с прекращением последнего). Они обнаружены в фондах РГИА (Ф. 777. Санкт-Петербургский цензурный комитет, Ф. 797. Канцелярия Обер-прокурора Священного Синода, Ф. 807. Петербургский духовно-цензурный комитет, Ф. 796. Канцелярия Священного Синода, Ф. 772. Главное управление цен-

зуры Министерства народного просвещения – всего просмотрено 14 единиц хранения). Многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Методология исследования. Методологической основой диссертации стал историко-культурный подход, предполагающий рассмотрение материала в широком контексте литературно-эстетического движения и развития русской литературы и журналистики первой половины XIX века. Исследование носит междисциплинарный характер, что требует сочетания различных методов анализа, характерных как для литературоведения, так и для теории и истории журналистики, а также истории идей. Автор опирался на основополагающие работы по теории и истории журналистики прежде всего отечественных авторов В. Г. Березиной, Е. Л. Вартановой, Л. П. Громовой, А. Г. Дементьева, Б. И. Есина, А. В. Западова, Я. Н. Засурского, Е. П. Прохорова, А. И. Станько и др.

Хронологические рамки исследования датированы 1840 – 1846 гг. Определение нижней границы объясняется в первую очередь тем, что в 1840 г. начал выходить первый из рассматриваемых в данной работе консервативно ориентированных журналов – «Маяк», материалы которого могли учитываться Гоголем, пережившим в том же 1840 г. духовный кризис и всё больше обращавшимся к размышлению на религиозно-философские и историософские темы. Верхняя граница обусловлена годом окончания работы Гоголя над ВМ.

Рабочая гипотеза. Русский консерватизм 40-х гг. XIX века зиждился на трех основных идеях, сформулированных ещё С. С. Уваровым в 1832 – 1834 гг. в «теории “официальной народности”» и связанных с ними идеологемах: Православие – Самодержавие – Народность, и чётко отразился в публикациях таких журналов, как «Москвитянин», «Маяк», «Журнал Министерства народного просвещения». В ходе работы над ВМ Гоголь поднимал те же проблемы и обращался к тем же идеям и идеологемам, что и современные ему консервативные публицисты. Притом осмыслялись они автором ВМ в довольно активном «диалоге», который, в той или иной мере осознанно и плодотворно, вел Гоголь с консервативной журналистикой первой половины 1840-х гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «консерватизм» во всемирной истории, в т.ч. истории идей, имеет много трактовок, но для точности и верифицируемости исследования представляется целесообразным исходить из понимания русского консерватизма первой половины 1840-х гг. как системы идей и идеологием, базирующейся на безусловном признании трех положений: устройство и поддержание иерархически выстроенного монархического государства; влияние православия на все стороны жизни общества (от быта до полити-

ки); признание «особого» пути России в мире (отличного и от Запада, и от Востока с подчеркнутым неприятием западноевропейской культурно-религиозной традиции).

2. ВМ – это публицистическая книга с чётко обозначенной консервативной программой, в которой примерно треть текста (34,7%) занимают высказывания Гоголя на темы православия и самодержавия. Причем в письмах-статьях ВМ, в которых Гоголь размышляет о православии и самодержавии, он неизменно касается и проблемы «особого» пути России («народности»), которой посвящено 7% текста.

3. Значительную роль в разработке и распространении идей русского консерватизма в первой половине 1840-х гг. сыграли журналы «Москвитянин» и «Маяк», история которых заслуживает специального анализа. Журнал «Москвитянин», в 1837 г. задуманный М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым как орган печати, противостоящий «торговому направлению» в русской литературе и журналистике, начал выходить с 1841 г. при деятельном участии С. С. Уварова уже как издание, активно проповедовавшее консервативные ценности, корреспондирующие с государственной идеологией Николая I. Периодический сборник С. А. Бурачка и П. А. Корсакова «Маяк современного просвещения и образованности» в отличие от «Москвитянина» изначально задумывался как орган «православия, самодержавия, народности». Последовательная пропаганда консервативных ценностей в этом издании способствовала тому, что в 1842 г. Бурачку было позволено издавать «Маяк» на правах журнала. Однако в 1845 г. по ряду причин в отношениях между редактором и цензурным ведомством обозначились кризисные тенденции, что не могло не способствовать прекращению издания наряду с недостатком подписчиков.

4. Сопоставление гоголевской статьи «О лиризме наших поэтов» и публикаций авторов консервативных журналов первой половины 1840-х гг. на тему самодержавия обнаруживает их принципиальное сходство в понимании и пропаганде идей надсословного характера русского самодержавия, его сакральной природы, «возвышения» царя над законом ради принципа милосердия. Между тем многое в концепции государственности у Гоголя, и прежде всего в вопросах о роли дворянства, не укладывалось в «теорию “официальной народности”», которая находила отклик в русской консервативной журналистике первой половины 1840-х гг.

5. Важное место в размышлениях Гоголя об общественном устройстве занимает вопрос о социальном неравенстве, в трактовке которого его позиция оказывается во многом близка суждениям, проповедуемым авторами «Маяка». Так, значительные переклички обнаруживаются между размышлениями Гоголя в статье «Русской помещик» и высказываниями главного героя повести И. Г. Кулжинского «Уездный судья нашего уезда»

(«Маяк», 1842, №№ 6, 7, 11). Интертекстуальные связи между этими произведениями позволяют ввести повесть Кулжинского в список возможных источников ВМ.

6. Сравнительный анализ высказываний Гоголя в ВМ (статьи «Страхи и ужасы России», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» и др.) и публицистов «Москвитянина» и «Маяка» по важнейшему историософскому вопросу «Россия – Запад» показывает, что авторы сходились в оценке прошлого и будущего России, но несколько расходились во взгляде на современное состояние Европы. Если Шевыреву («Москвитянин») Запад в нравственном отношении представлялся «гниющим трупом», а Бурачок («Маяк») негативно отзывался главным образом о политических переменах в Европе – отказе многих государств от абсолютной монархии, то Гоголь в ВМ критиковал Запад прежде всего с религиозно-нравственной точки зрения и при этом не отрекался от него.

7. Проблема сути истинного просвещения решена в ВМ в основном в том же ключе, что в публикациях «Москвитянина» и «Маяка». Причем близки суждения Гоголя в ВМ высказываниям как славянофила И. В. Киреевского, так и вполне последовательных консерваторов первой половины 1840-х гг. – А. С. Стурдзы, Шевырева, Корсакова, Бурачка, отстаивавших идею своеобразного баланса просвещения «земного» (овладение научными знаниями) и «небесного» (с помощью «религиозного прозрения») при доминировании последнего. Наиболее явной представляется связь статьи Гоголя «Просвещение» с откликом И. Д. Галанина на книгу святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу» (Журнал Министерства народного просвещения, 1844, №7).

Научно-практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при чтении базовых курсов по истории русской литературы и журналистики первой половины XIX века, а также при разработке спецкурсов и спецсеминаров. Кроме того, разыскания в области интертекстуальных связей между статьями ВМ и публикациями в консервативных журналах первой половины 1840-х гг. представляется возможным учесть при подготовке комментариев к новым научным изданиям последней книги Гоголя.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы новизна и актуальность темы диссертации, оценена степень ее научной разработанности, определены цели и задачи, отмечены объект и предмет, хронологические рамки исследования, сформулирована рабочая гипотеза, положения, выносимые на защиту, а также представлена структура работы.

В **первой главе «Общая характеристика консервативной идеологии и ее отражение в книге Н. В. Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями” и журналах “Москвитянин” и “Маяк” (1840 – 1846 гг.)»** рассмотрены определение и главные принципы консервативной идеологии, проанализированы история создания и идейная платформа журналов «Москвитянин» и «Маяк», показано, как темы православия, самодержавия и народности отразились в ВМ.

В *параграфе 1.1 «Определение и главные принципы «русского консерватизма» первой половины 1840-х гг.»* обобщаются результаты исследований по истории русского консерватизма. Консерватизм, легший в основу государственной идеологии Николая I, имеет богатую историческую традицию. Однако сам термин «консерватизм», распространившийся в Европе прежде всего благодаря Ф. Р. Шатобриану после 1818 г., в России впервые зафиксирован только во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1881 г.). Сложность в понимании русского консерватизма заключается и в том, что само слово «консерватизм» используется в разных значениях. При этом неизменным, конечно, остается признание связи консерватизма с требованием следовать традиции, под которой понимается положительно оцениваемая теми или иными авторами часть исторического наследия.

В данной работе речь идет о русском консерватизме первой половины 1840-х гг. как системе идей, которая базируется на трех главных ценностях: устойчивость иерархически выстроенного государства с авторитарной моделью правления, православие как ключевая часть государственной идеологии, признание «особого» пути развития России при неприятии западноевропейской цивилизационной модели. Более или менее четко они были сформулированы уже в 1832 – 1834 гг. министром народного просвещения Уваровым в «теории “официальной народности”». Выдвинутые в ней на первый план идеологемы (Православие – Самодержавие – Народность) определяли содержание русского консерватизма в первой половине 1840-х гг.

В *параграфе 1.2 «Распространение консервативной идеологии как общественная миссия журналов “Москвитянин” и “Маяк”»* кратко охарактеризована история периодических изданий первой половины 1840-х

гг., нацеленных их редакторами при поддержке властей на пропаганду консервативных идей и формирование консервативного общественного мнения.

Значительный интерес для темы диссертации представляют программные материалы журнала «Москвитянин». Правда, его первый номер вышел в 1841 г. по настоятельному совету Уварова без традиционного программного заявления. Но содержание двух ключевых статей номера так или иначе было связано с уваровской триадой «Православие – Самодержавие – Народность». На неё указал Погодин в статье «Петр Великий», Шевырев – в своеобразном обзоре «Взгляд русского на современное образование Европы». В целом эти статьи заняли примерно 24% от общей площади первого номера. Не случайно некоторые современники расценивали их как программные и, по свидетельству Погодина, судили о «Москвитянине» прежде всего по его с Шевыревым публикациям.

Если «Москвитянин» был рассчитан на довольно образованных столичных читателей, то «Маяк», начавший выходить как бессрочный периодический сборник за год до него, обращался в основном к малообразованным провинциальным помещикам. Соответственно в нем менее тонко, зато более откровенно и в доступной для целевой аудитории форме проповедовались консервативные идеи. На то, что «Маяк» видел цель своего издания в пропаганде православия, самодержавия, народности, прямо указывала редакционная статья в первом номере. Идейное направление издания вызвало одобрение властей, так что в конце 1841 г. Бурачок сумел получить разрешение выпускать *журнал*. Причем в новом формате издание несколько изменило подзаголовок – «Маяк, журнал просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», подчеркнув свою приверженность важнейшей для русского консерватизма идеологии «народности».

При этом именно статья Бурачка «О русской народности» была запрещена в 1843 г. В целом столкновения редактора с цензурой постепенно усиливались, что, очевидно, способствовало закрытию журнала. Разыскания в РГИА показали, что после запрещения в 1845 г. ряда материалов журнала Главное управление цензуры Министерства народного просвещения признало неудовлетворительной программу издания на 1846 г. Сохранившееся в РГИА письмо Уварова (Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1633) председателю Петербургского цензурного комитета М. А. Дондукову-Корсакову содержит угрозу закрыть «Маяк». Хотя, конечно, говоря о причинах прекращения «Маяка», нельзя не признать и неудовлетворительность уровня читательского спроса (к 1845 г. из 800 подписчиков осталось 400).

Цель *параграфа 1.3.* «*“Выбранные места из переписки с друзьями” Гоголя и формула “Православие – Самодержавие – Народность”*» – соотнести ВМ с системой идей русского консерватизма и указать те её элемен-

ты, которые акцентировались автором ВМ. Для этого было необходимо очертить семантические поля православия, самодержавия и народности²⁰ в ВМ и их измерить, хотя, понятно, применение «точных методов» в гуманитарных науках – вопрос спорный.

Как показал проведенный в диссертации семасиометрический анализ, ВМ Гоголя – это книга с довольно четко выстроенной консервативной программой, в которой процент присутствия семантических полей православия, самодержавия и народности весьма высок. Наибольшее место занимает тема православия, составляющая 18,9%, и примерно так же представлено семантическое поле самодержавия – 15,8%. Значительно отстает от них тема противостояния России и Запада, присутствующая лишь в 7% текста.

Семасиометрический метод позволил не просто количественно измерить семантические поля, но и установить их взаимозависимость. Так, если превратить поля православия, самодержавия и народности в функции и построить их график по главам (статьям-письмам из ВМ), обнаруживается явная корреляция трех кривых. Это подтверждает выдвинутую в диссертации гипотезу о взаимозависимости в ВМ суждений, относящихся ко всем членам триады при преобладании идей православия, что в целом отражает идейную структуру и приоритеты «теории “официальной народности”».

Во второй главе **«Вопрос о самодержавии и взаимоотношениях сословий в представлениях позднего Гоголя и авторов “Москвитянина” и “Маяка”»** проводится сопоставление статей-писем ВМ с материалами «Москвитянина» и «Маяка» в связи с трактовкой ими важнейшей консервативной идеологемы самодержавия и сословного неравенства.

Параграф 2.1 «Концепция самодержавия в понимании Гоголя и журналистов “Москвитянина” и “Маяка”» посвящен сравнению аналитических суждений автора ВМ и публицистов «Москвитянина» и «Маяка» по основополагающим вопросам государственности. Гоголевские размышления о природе и особенностях монархической власти выдержаны в традиционном для русского консерватизма духе и корреспондируют с концепцией самодержавия в «Москвитянине» и «Маяке». Необходимость и историческая оправданность самодержавия в России объяснялась публицистами прежде всего тем, что именно царская власть способна обеспечивать в государстве баланс сил, возвышаясь над всеми сословиями и «любя» всех равно. И Гоголь, и авторы консервативных журналов уверены в сакральной природе монарха. Вместе с тем автор ВМ пытался «примирить» боже-

²⁰ Здесь и далее в этом параграфе под «народностью» понимается осознание особой цивилизационной модели России и закономерности её сложных взаимоотношений с европейской моделью.

ственную сущность царя с тем, что монарх должен, как всякий человек, «служить Богу на своем месте» и, как высший чиновник, заботиться о своих подданных. Конечно, «божественное» в монархической концепции Гоголя неизменно перевешивало «мирское». Кроме того, для автора *ВМ* чрезвычайно характерно возвышение царя над законом ради принципа милосердия. Ссылаясь на авторитет Пушкина, Гоголь сравнивал царя с «высшей милостью, умягчающей закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти» [VIII, 253].

Между тем многое в концепции Гоголя, и прежде всего понимание роли дворянства, не укладывается в идеологию русских консервативных журналов. Их публикации, представляется, были более созвучны теории Уварова. Гоголь же считал русское дворянство «явлением необыкновенным» и признавал его право на посредничество между царем и народом. В публикациях «Москвитянина» и «Маяка» о такой роли дворянства речи не шло.

В параграфе 2.2 «Идеальная модель отношения помещиков к крестьянам в последней книге Гоголя и журналах “Москвитянин” и “Маяк”» проанализированы советы, прозвучавшие в книге Гоголя, и в русских консервативных журналах по поводу того, как «русской помещик» должен строить свои отношения с крепостными. По Гоголю, обязанность помещика – наставление мужиков и общая с ними работа, чтение духовной литературы, а также общение с сельским священником. В целом подобные размышления о модели поведения помещика – важнейшая часть патерналистской программы приверженцев консерватизма.

Как показано в диссертации, многие принципиальные суждения Гоголя об оптимальной модели отношения помещиков к крепостным почти дословно совпадают с высказываниями судьи – резонёра, прямо декларирующего идеи автора, – в повести И. Г. Кулжинского «Уездный судья нашего уезда» («Маяк», 1842, №№ 6, 7, 11), хотя в *ВМ* Гоголь, как известно, отозвался о «Маяке» весьма критично. К источникам статьи Гоголя «Русской помещик», прежде всего размышлениям автора о необходимости образовывать крестьян посредством исключительно духовной литературы, можно отнести также статьи Я. А. Линовского в «Москвитянине» (1845, №№ 1 – 5) и рецензии И. Д. Галанина и Н. Берте в «Журнале Министерства народного просвещения» (1846, т. XLIX).

В третьей главе диссертации «Оппозиция “Россия – Запад” и проблема истинного просвещения: “Выбранные места из переписки с друзьями” – “Москвитянин” – “Маяк”» анализируются способы решения вопроса о соотношении цивилизационных моделей России и Запада, а также проблемы просвещения на материале книги Гоголя и консервативных журналов первой половины 1840-х гг.

Параграф 3.1 «Проблема “Россия – Запад” в представлении позднего Гоголя и авторов “Москвитянина” и “Маяка”» посвящен одной из центральных историсофских проблем, всегда волновавших русских мыслителей, писателей и журналистов. Скептическое отношение Гоголя к европейской цивилизации, его недоверие к «пустым рыцарско-европейские понятиям о правде» [VIII, 245], выраженные в ВМ, вполне соответствуют консервативной парадигме. Параллели к такого рода гоголевским высказываниям обнаружены нами в журналах «Москвитянин» и «Маяк», например, в статьях Шевырева («Взгляд русского на современное образование Европы», 1841), Бурачка («Русская народность», 1841), И. Маркова («Повесть о русской народности (письмо к издателю)», 1843). Причем все названные авторы исходили из сформировавшейся под воздействием романтической школы историографии идеи «юности» России и веры в её великий исторический потенциал, возможности самосовершенствования и преобразования. Тем не менее в ВМ, при преобладании назидательно-проповеднического тона, ощутима и интонация мучительных раздумий Гоголя о неудовлетворительном нынешнем положении дел в России. Это отличает позицию автора ВМ от позиций большинства публицистов «Москвитянина» и «Маяка» с их однозначным восхвалением России, ее прошлого и настоящего.

Определенные расхождения во взглядах консервативных публицистов заметны и в отношении к современной Европе. Так, Шевырев в «Москвитянине» делал акцент на том, что историческая роль Европы в принципе уже сыграна. Бурачок в «Маяке» концентрировал внимание на теме исключительно негативных последствий европеизации для России, видя в Европе главным образом источник антимонархических идей. Гоголь в ВМ, ощущая глубокую неправду европейской жизни, критиковал Запад с религиозно-нравственной точки зрения, выдвигая на первый план проблему бездуховности современной католической Европы.

Указанные расхождения во взглядах на Европу предопределили различное отношение автора ВМ и публицистов «Москвитянина» и «Маяка» к сторонникам западничества в России. Если и Шевырев, и Бурачок однозначно оценивают своих оппонентов-западников как лже-патриотов и предателей, то критическая позиция Гоголя здесь более сложна. Автор ВМ признает, что «правды больше на стороне славянистов» [VIII, 262], но «не совсем без основания» и «некоторые выводы» западников [XII, 476].

При осмыслении проблемы «Россия – Запад» как в ВМ, так и в публикациях «Москвитянина» и «Маяка» совершенно закономерна постановка вопроса о соотношении православия и католичества. По этому поводу Гоголь уделяет основное внимание таким оппозициям, как установка на «внешний эффект» (католичество) – «величавое спокойствие» (правосла-

вие); готовность к постоянным изменениям под влиянием времени (католичество) – приверженность традиции (православие).

Авторы «Москвитянина» и «Маяка» добавили к этому третью оппозицию: религиозная нетерпимость (католичество) – веротерпимость (православие). Особенностью позиции Гоголя в этом вопросе является то, что автор ВМ расценивал Схизму как явление исторически оправданное и временное. Если Шевырев в «Москвитянине» предрек скорую смерть католичеству в его взаимной «распре» с протестантизмом, то Гоголь в ВМ продемонстрировал более терпимую позицию в отношении всех ветвей христианства. Такой подход проявляется в статье «Просвещение», например, в сравнении католичества и православия с Марфой и Марией, образы которых восходят к Евангелию (Лк. 10, 38 – 42). Если католический Запад, подобно Марфе, избрал для себя роль «деятельного» христианства, направленного на человека, то в православной России, которая уподобляется Марии, распространилось христианство, отрешенное от всего суетного, мирского. Представляется правомерным утверждать, что возможным источником этого сравнения для Гоголя стала книга Шевырева «История русской словесности» (М., 1846), фрагменты из которой были опубликованы в «Москвитянине» еще в 1844 г. (№№ 1 – 4, 7), где католичество и православие также сравнивается с Марфой и Марией.

В параграфе 3.2 «Гоголь и публицисты “Москвитянина” и “Маяка” о сути истинного просвещения» рассмотрены размышления Гоголя и консервативных публицистов первой половины 1840-х гг. на тему просвещения, которая тогда была в центре внимания всей думающей России. Понимание автором ВМ истинного просвещения во многом сходится с его истолкованием такими публицистами «Москвитянина» и «Маяка», как И. В. Киреевский, А. С. Стурдза, П. Г. Редкин, С. А. Бурачок, П. А. Корсаков и др. Общем в их высказываниях о просвещении была установка на соединение путей религиозного и научного познания, хотя, конечно, трактовалось такое соединение каждым из публицистов различно, в т.ч. в зависимости от уровня их (и их целевой аудитории) аналитических и творческих способностей.

Для автора ВМ просветить – это не только образовывать, но прежде всего нравственно и духовно возвысить человека, поскольку истинное просвещение воспринимается им как трудный и совершенно необходимый путь религиозно-нравственного воспитания («Свет Христов освещает всех»). Соответственно, искомый «баланс» научного и религиозного познания не предполагал идеи равноправия: вера должна была преобладать над наукой. «Просвещенный верую» – формула, заимствованная Гоголем из журнала «Христианское чтение» (1841, № 1), представляется, точно отражает его понимание сути истинного просвещения. Отсюда и замечание

Гоголя в статье «Близорукому приятелю»: «Выводы твои — гниль; они сделаны без Бога. Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва — и только закрытая книга. Без Бога не выведешь из нее великих выводов; выведешь одни только ничтожные и мелкие» [VIII, 347].

Определенное недоверие к европейской образованности с характерным для неё доминированием строго научного «позитивного» знания при должном ее уважении типично для публицистов «Москвитянина». Это проявилось прежде всего в статьях А. С. Стурдзы (1844) и славянофила И. В. Киреевского (1845). На различия между «просвещением» и «образованностью» постоянно указывали и авторы «Маяка», что должно было подчеркнуть, очевидно, само название журнала — «Маяк современного просвещения и (курсив наш. — Е. С.) образованности».

Наиболее подробно проблемы просвещения, разумеется, обсуждались в «Журнале Министерства народного просвещения». Особый интерес для темы диссертации имеет опубликованное в этом издании «Обозрение газет и журналов» И. Д. Галанина (1844, № 7), в котором разбиралась книга святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу», печатавшаяся в журнале «Воскресное чтение» (1844, №№ № 42, 44 — 46, 48 — 50, 52; отд. изд. — Харьков, 1844). Суждения автора книги и её рецензента, как удалось установить, очень близки основным положениям статьи Гоголя «Просвещение», что позволяет отнести публикацию Галанина также к возможным источникам ВМ Гоголя или по крайней мере к тому журнальному дискурсу, который не мог не повлиять на позицию позднего Гоголя — публициста и мыслителя.

В заключении представлены основные выводы, сделанные в ходе работы. Консервативная идеология первой половины 1840-х гг. опиралась на идеологемы, сформулированные в «теории “официальной народности”» С. С. Уварова. Сравнительный анализ суждений позднего Гоголя и ведущих публицистов консервативных журналов показывает, насколько ВМ были связаны с журнальным дискурсом первой половины 1840-х гг. по ключевым вопросам жизни государства и общества. Проведенное в диссертации довольно подробное сопоставление текстов статей-писем Гоголя и публикаций «Москвитянина» М. П. Погодина и «Маяка» С. А. Бурачка позволяет считать некоторые из них *потенциальным* источником ВМ. Причем журнальная публицистика могла выступать не столько даже источником конкретных заимствований (особенно это касается отличавшихся «лубочным» стилем публикаций в «Маяке» Бурачка), сколько импульсом для размышлений Гоголя на актуальные, заявленные в периодике темы, для его включения в «диалог» с авторами соответствующих журнальных публикаций.

В списке литературы приведен перечень изданий сочинений Гоголя, архивных материалов, «записок» и мемуаров, монографий и статей, авторефератов и диссертаций, библиографических указателей и справочников, которые использовались во время работы над диссертацией.

В первом приложении представлена частотность слов-маркеров трех семантических полей в ВМ (по темам «православие», «самодержавие», «народность») и показан уровень присутствия каждой из указанных тем в статьях-письмах Гоголя (в процентном отношении). Во втором приложении дана постатейная роспись журнала «Маяк» (1840 – 1845 гг.), указатель авторов опубликованных в нём оригинальных произведений и переводов, а также цензоров журнала, список авторов (издателей) книг, которые рецензировались в «Маяке», и перечень изданий, статьи из которых «Маяк» перепечатывал.

Ключевые положения и выводы диссертации апробированы в докладах на Третьих Международных научных чтениях «Journalistic cultures: facing social and technological changes» (М., 2011), международной научно-практической конференции «Журналистика в 2012 году» (М., 2013), международной научно-практической конференции «СМИ в современном мире» (СПб., 2012, 2013), международной конференции «Гоголевские чтения» (М., 2012, 2013), международной научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов» (М., 2012, 2013), студенческой конференции «Студенты – А. С. Пушкину» (М., 2012, 2013), международной конференции «Человек в истории: героическое и обыденное» (Петрозаводск, 2012), межвузовской научной конференции «Медиаконтент: взгляд молодого исследователя» (М., 2012), международной конференции «Текст в тексте» (Таллин, 2013).

По теме диссертации были опубликованы следующие научные работы:

1. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: помещик и крестьянин // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 3. С. 57 – 71. – 0,7 п.л.
2. «Просвещенный верою»: проблема сути истинного просвещения в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и русской консервативной журналистике первой половины 1840-х гг. // Медиаскоп. 2013. № 4. – 0,9 п.л.
3. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя в контексте публицистики «Москвитянина»: Россия – Запад // Медиаскоп. 2012. № 4. Перепеч.: Вестник молодых ученых: научный журнал Астаны. 2012. № 10 – 12. С. 148 – 162. – 0,9 п.л.

4. **Илья Раджицкий и русская журналистика пушкинского времени // Меди@льманах. 2012. № 2. С. 68 – 72. – 0,2 п.л.**
5. **Н. В. Гоголь и «Московский телеграф» // Меди@льманах. 2009. № 5. С. 64 – 70. – 0,3 п.л.**
6. Концепция самодержавия в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и в русской консервативной журналистике 1840-х годов // Гоголь и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 154 – 163. – 0,4 п.л.
7. Возможности «семасиометрического» подхода к публицистике и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2013». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». С. 1 – 3. М., 2013. С. 1 – 3. – 0,1 п.л.
8. Идея самодержавия в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и в публицистике «Москвитянина» 1841 – 1846 гг. // СМИ в современном мире. Петербургские чтения. СПб., 2013. <http://rus.jf.spbu.ru/conference/2888.html> – 0,1 п.л.
9. Формирование консервативной идеологии как общественная миссия журналов в 1840-е гг. // Журналистика в 2012 году: Социальная миссия и профессия: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 136 – 137. – 0,1 п.л.
10. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: попытка статистического анализа // Сборник тезисов участников XIV Международной конференции молодых филологов: Текст в тексте. Таллин, 2013. С. 21 – 22. – 0,1 п.л.
11. «Русский помещик» в пространстве повседневности: взгляд Н. В. Гоголя // Человек в истории: героическое и обыденное: материалы науч.-практ. конф., посв. Году российской истории. Петрозаводск, 2012. С. 196 – 201. – 0,3 п.л.
12. Проблема «Россия – Запад» в «Выбранных местах...» и в публицистике «Москвитянина» // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 281 – 290. – 0,4 п.л.
13. К истории взаимоотношений Н. В. Гоголя и журнала «Московский наблюдатель» // Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи: материалы XI международной конференции студентов и аспирантов (5 – 7 марта 2012 г.). СПб., 2012. С. 29 – 31. – 0,1 п.л.
14. «Петровский вопрос» в журнале «Москвитянин» (1841 – 1847 гг.) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоно-

- сов – 2012». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». М., 2012. С. 1 – 3. – 0,1 п.л.
15. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и публицистика «Москвитянина»: к постановке проблемы // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник. М., 2012. С. 165 – 179. – 0,7 п.л.
 16. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и журнал «Маяк»: образ идеального помещика // Медиаконтент: взгляд молодого исследователя. Материалы четвертой научно-практической конференции аспирантов и студентов. М., 2012. С. 55 – 64. – 0,4 п.л.
 17. Н. В. Гоголь и его «журнальная теория» // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2011». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». М., 2011. С. 1 – 3. – 0,1 п.л.
 18. Н. В. Гоголь и петербургская журналистика 1830-х гг. // Актуальные проблемы журналистики и массовой коммуникации. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. Вып. 11. СПб., 2011. С. 5 – 20. – 0,7 п.л.
 19. М. В. Ломоносов в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // *Journalistic cultures: facing social and technological changes*. М., 2011. С. 217 – 220. – 0,2 п.л.
 20. Петербургская журналистика 1830-х гг. в оценке Н. В. Гоголя // Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи: матер. X междунар. конф. студентов и аспирантов (3 – 5 марта 2011 г.) СПб., 2011. С. 39 – 40. – 0,1 п.л.
 21. И. Т. Радожицкий и первый том пушкинского «Современника» // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2010». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». М., 2010. С. 1 – 3. – 0,1 п.л.
 22. Рукописные журналы Н. В. Гоголя в Нежинской гимназии // Вестник Крымских литературных чтений: Сб. науч. статей и материалов: Вып. 6. Симферополь, 2010. С. 42 – 54. – 0,5 п.л.
 23. Жанр рецензии в творчестве Н. В. Гоголя: пушкинский «Современник» // Актуальные проблемы журналистики и массовой коммуникации. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. Вып. 10. СПб., 2010. С. 13 – 20. – 0,3 п.л.
 24. Н. В. Гоголь и типологические особенности пушкинского «Современника» // Медиаконтент: взгляд молодого исследователя. Материалы научно-практической конференции аспирантов и студентов. М., 2010. С. 124 – 131. – 0,3 п.л.

25. Гоголь-рецензент в пушкинском «Современнике» // Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи: матер. 1X межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов 3 – 5 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 18 – 20. – 0,1 п.л.
26. Влияние изданий романтического направления на формирование литературно-эстетической позиции раннего Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 3 (5): Материалы международной научной конференции «Н. В. Гоголь и мировая культура», посвящённой двухсотлетию со дня рождения Н. В. Гоголя. Самара, 29 – 31 мая, 2009 г. СПб.; Самара, 2009. С. 320 – 327. – 0,3 п.л.
27. Журналистика в восприятии молодого Гоголя: высокое служение или «опозоренное ремесло»? // Журналист. Специальный номер. 2009. №1 (1149). С. 4 – 5. – 0,2 п.л.
28. Гоголь – библиотекарь студенческой библиотеки-«складчины» в Нежинской гимназии // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 479 – 481. – 0,1 п.л.
29. Круг журнального чтения Н. В. Гоголя в период его пребывания в Нежинской гимназии (1821 – 1828 гг.) // Вестник Крымских литературных чтений: Сб. науч. статей и материалов: Вып. 5. Симферополь, 2009. С. 56 – 66. – 0,5 п.л.
30. Журнальные издания романтического направления и формирование взглядов Н. В. Гоголя-студента (1821 – 1828 гг.) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2009». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». М., 2009. С. 30 – 32. – 0,1 п.л.
31. Журналистика и журналисты в оценке Н. В. Гоголя (по материалам писем 1831 – 1836 гг.) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2008». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». М., 2008. С. 26 – 28. – 0,1 п.л.

Общий объем публикаций: 9,5 п. л.